

ВАЛААМСКОЕ ОХРАНИТЕЛЬСТВО: ФИНЛЯНДСКИЙ ПЕРИОД

Т. И. ШЕВЧЕНКО

В 1925 г. братия Спасо-Преображенского Валаамского монастыря раскололась на «старостильников» и «новостильников». Причиной этому послужило введение нового, григорианского, календаря в Финляндской Православной Церкви. В частности, русским монахам церковными и гражданскими властями Финляндии навязывалась григорианская Пасхалия. Введение ее в Финляндской Церкви было проведено с благословения Константинопольской Патриархии. Часть Валаамского братства не признала ни финляндского гражданства, ни «новой» Пасхалии. «Календарный раскол» в Валаамском монастыре сохранялся до 1945 г., пока монастырь не был принят в каноническое послушание Московской Патриархии, продлившееся до 1957 г.

В современной церковной литературе об истории Валаамского монастыря «финляндского» периода принято упоминать в положительном аспекте в основном о героическом «стоянии» Валаамских старостильников¹. Ни в коей мере не умаляя подвига тех из них, кто не захотел идти «в ногу» со временем и мужественно исповедал свои убеждения, следует отметить, что само по себе «старостильное движение» на Валааме не было однородным. В него вошли и те его представители, кто стремился затеять смуту ради смуты или склонить монастырь к участию в политической борьбе.

В 1921 г. Святейшим Патриархом Тихоном была дарована широкая автономия Финляндской Православной Церкви. Состоявшийся вскоре после этого первый собор автономной Финляндской Церкви постановил: всем православным приходам и монастырям на территории Финляндии использовать григорианский календарь. Окончательного благословения на этот шаг от Святейшего Патриарха Тихона получено не было. В 1923 г. Финляндская Церковь, не имея возможности поддерживать постоянную связь с Высшей церковной властью в России, при

¹ «Только старостильники до конца, до самого финала валаамской трагедии оставались преисполнены упования, что они изгнаны Христа ради, и что страдают они за Святое Православие... Знать бы, на что уповали новостильники?» (*Всеволод Филипьев, инок*. Валаамское стояние. Трагедия и торжество Валаамских старостильников // *Охранительство*. Джорданвилль; М., С. 41–75). См. также: У «пещер Богом зданных»: псково-печерские подвижники благочестия XX в. / Сост. Ю. Малков, П. Малков. М., 2003. С. 189–283; *Русский паломник*. 1992. № 6; 1993. № 7, 8; 1994. № 10.

поддержке гражданских властей Финляндии перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, с благословения которого в 1925 г. во всей Финляндской Церкви была официально введена также григорианская пасхалия².

Иеромонах Харитон (Дунаев)³, с 1920-х гг. фактически вставший «у руля» монастырской жизни, одним из первых в Валаамском монастыре принял финляндское гражданство и «новый» календарь, однако приложил все силы, чтобы сохранить монастырю возможность придерживаться «старой», юлианской пасхалии. Он считал, что для монахов большим злом, чем новый календарь, принятый по послушанию гражданским и церковным властям, станет бунт против своей высшей духовной власти — дух противления, открыто проявившийся в монастыре сразу же после падения императорского престола в России. Судьба этого человека, несшего на своих плечах бремя управления монастырем, позволяет лучше понять события тех лет. Иеромонах, затем игумен Харитон оказался именно тем человеком, который не растерялся и не пал духом при общей смуте.

Проблема оказалась в том, что брожения в Валаамской обители во многом подогревались действиями извне. В 1920-х гг. ведущим политическим направлением среди русской эмиграции в Финляндии стал монархизм — около 85% эмигрантов были за реставрацию императорской власти в России, выступая на стороне великого князя Николая Николаевича (†1929), главнокомандующего Русской армией в период Первой мировой войны. Его политика ориентировалась на военные акции, вооруженное вторжение. То, что некоторые лица царской фамилии имели духовные связи с Валаамским монастырем, ни для кого не было секретом. Например, духовником великого князя Николая Николаевича и его супруги в дореволюционный период был иеромонах Георгий (Хробостов), впоследствии иеросхимонах Ефрем⁴, «новостильный» духовник обители — весьма авторитетная фигура в межвоенный период жизни Валаамского монастыря⁵. Он был крестником великой княгини Александры Петровны, матери князей Николая Николаевича и Петра Николаевича, впоследствии принявшей монашеский постриг с именем Анастасии. Князья приняли участие в строительстве Смоленского скита, где подвизался их духовник, иеросхимонах Ефрем. Скит был посвящен памяти павших на поле брани русских воинов и предназначался для проведения поминальных служб.

² См.: *Харитон (Дунаев), иером.* Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях. Аренсбург, 1927. С. 216.

³ Игумен Харитон (Дунаев, 1872–1947). В 1894 г. поступил в Валаамский монастырь; в 1905 г. пострижен в монашество; в 1909 г. назначен экономом монастыря; в 1910 г. рукоположен архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским); в 1933 г. избран на должность настоятеля.

⁴ Иеросхимонах Ефрем (Григорий Хробостов, 1871–1947) родился в Санкт-Петербурге в семье ремесленника, известно, что отец его служил в конюшенном ведомстве и имел доступ во дворец; отроком пришел в монастырь; в возрасте 24 лет был пострижен в мантию с именем Георгий; в 1899 г. рукоположен во иеромонаха; в 1907 г. назначен настоятелем Никола-Мирликийского храма в Санкт-Петербурге, с этого времени в течение 40 лет совершал ежедневное служение литургии; в 1919 г. принял постриг в великую схиму; в 1925 г. назначен монастырским духовником вместо уволенного духовника-старостильника, нес это послушание до своей кончины.

⁵ См.: Воспоминания архим. Афанасия (Нечаева) // Русский паломник. 1990. № 1; Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 2005. С. 348, 353, 357.

Сторонники великого князя Николая Николаевича возлагали большие надежды на свою деятельность в Финляндии, где их популярность была особенно высока. Начальником разведки князя в Париже являлся генерал Александр Павлович Кутепов, возглавивший Российский общевоинский союз (РОВС)⁶ после смерти генерала Врангеля. Агентом генерала Кутепова в Финляндии был представитель Высшего монархического совета⁷ полковник Артемий Григорьев, пытавшийся собрать боевые отряды из беженцев. В середине 1920-х гг. сторонникам Николая Николаевича удалось сформировать боевую организацию. К 1927 г. в Хельсинки, на Карельском перешейке и в Приграничной Карелии было основано 12 подотчетных Высшему монархическому совету отделений⁸.

Полковник Григорьев жил в Сердоболе (Сортавала) и в своих донесениях генералу Кутепову писал, что его деятельность, направленная на пробуждение Русского духа среди русских беженцев Олонецкой губернии — карелов — и среди русских беженцев Петроградской губернии — ингерманландцев, дала определенно положительные результаты. «Не я “их зазываю в свою лавочку”, а сами они, в 1919 году боявшиеся России и русских, в 1924—27 гг. шли ко мне, вступали охотно в нашу организацию и настолько хорошо себя зарекомендовали, что в некоторых из организованных мной местных отделах они были главарями, руководителями и совершенно ничем не отличались от коренных русских». Среди «успешных» отделов Григорьевым назван и «Валаамский отдел» Совета, к 1928 г. включавший в себя, со слов полковника, около 1/3 насельников монастыря: «Валаамские монахи, стоящие за старый календарный стиль (в общем, это те самые, что *не* (здесь и далее выделено в источнике. — *Т. III.*) переменяли подданства, *не* приспособились и *не* изменили Родине), после суда, бывшего над ними 19 октября 1927 г., не изменились и по-прежнему стоят на своей позиции. Видимо произошло “выкристаллизование”: дрянь уже перешла в другой лагерь, уже приспособилась, уже стала ренегатами. А оставшиеся — более тверды. Жаль только, что этих верных монахов мало — не менее ¼ всего числа, но [отныне] и не больше 1/3 всех иноков обители. [...] Один из стойких новостильников, Харитон, написал обширную записку⁹ в защиту их позиции, в которой всячески порочит наше

⁶ Российский общевоинский союз (РОВС), созданный генералом П. Н. Врангелем в 1924 г., объединял русских военнослужащих по всему миру; главной задачей Союза было сохранить боеспособность Белой армии для антисоветской борьбы; центр организации находился в Париже, действовали филиалы в Европе, Азии, Америке, Канаде, Парагвае; печатный орган — журнал «Часовой»; при РОВС действовала сеть военных учебных заведений и кружков; в 1920-е гг. в Союзе числилось 100 тыс. членов, в 1930-е гг. — около 40 тыс.; руководители РОВС — генералы Врангель, Кутепов, Миллер — поочередно уничтожены советской разведкой в 1928, 1930 и 1937 гг. (см.: *Иоффе Э.* Линии Маннергейма: письма и документы, тайны и открытия. СПб., 2005. С. 223).

⁷ Высший монархический совет был создан в июне 1921 г. на съезде в Рейхенгалле (Бавария) как всезарубежный политический орган, занимающийся вопросами восстановления российской православной монархии. Совету не удалось добиться единства монархического движения, расколовшегося на сторонников великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича.

⁸ См.: *Невалйнен П.* Изгои. СПб., 2003. С. 223.

⁹ См.: *Харитон (Дунаев), иером.* Введение нового стиля в Валаамском монастыре и причины нестроений в монастырях. Арнсбург, 1927.

заявление»¹⁰. Судя по всему, стойкость старостильников имела источником не только стремление сохранить верность канонам. Политизированность восприятия полковником действительности отразилась в том, что он объединял вместе и отстаивание «старого стиля», и преданность *его* делу, и верность православию и России, и стояние за истину.

Особенно «досталось» иеросхимонаху Ефрему (Хробостову), отказавшемуся поддержать партию «николаевцев» и политику единения «новой» России и Финляндии в официальном церковном управлении. Иеросхимонах Ефрем не был противником нового календаря и пасхалии, за это полковник считал его откровенным карьеристом и приспособленцем. «Валаамские монахи, верные Православию, сообщают, что главными их “угнетателями” являются: Игумен обители Павлин¹¹, новый Наместник обители Харитон и бывший духовник Великого Князя... Ефрем»¹².

В 1927–1929 гг. «николаевцы» были выдворены из Финляндии ради мира с соседним СССР. Оказалось, что работа многих монархических ячеек проводилась под контролем ОГПУ. В 1920-е гг. была проведена операция «Трест», приведшая впоследствии к показательным процессам над террористами¹³, преследованиям по национальному признаку и «чисткам» в приграничных районах. Контрреволюционная деятельность эмигрантов всерьез беспокоила разведку Советского Союза. Она смогла внедрить своих агентов практически во все видные эмигрантские организации, чтобы деморализовать и опорочить их деятельность, чего ей и удалось добиться. Как отмечал начальник Выборгской сысковой полиции в Финляндии: «где два или три “рюсся” соберутся вместе, там один из них обязательно является агентом ГПУ»¹⁴. К сожалению, весьма удобным фактором для вербовки среди эмигрантов было то, что у многих в большевистской России остались родственники. «Тень шпионажа долго преследовала российских беженцев и советских граждан в Финляндии»¹⁵.

Таким образом, путь противления и охранительства на Валааме выглядел не всегда героическим. В 1927 г. иеромонах Харитон, скорбя о календарной смуте, описывал общую атмосферу монастыря: «Неужели послушание Высшей Церковной власти есть угождение людям? Неужели и Настоятель не должен бы слушать эту церковную власть, а должен был бы сам идти и все братство вести... в те дебри, в какие забрались “смятенные совести” со своими жожаками, и настоль-

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5826 (Русский Общевоинский союз (РОВС), г. Сремски Карловцы, Париж). Оп. 1. Д. 174 (Информационные сводки о положении в СССР и о Финляндии, составленные белоэмигрантом полковником Григорьевым А. Ф. и доставлявшиеся генералу Кутепову, и сопроводительные письма полковника Григорьева). Л. 24 об.–26 об.

¹¹ Игумен Павлин (Мешалкин, 1866–1935) — в схиме схиархимандрит Павел; в братство монастыря зачислен в 1894 г.; в 1898 г. пострижен в мантию; в 1900 г. рукоположен; с 1907 г. — благочинный монастыря; в 1918 г. избран братией кандидатом на настоятельскую должность, в 1921 г. возведен в сан игумена; в 1933 г. освобожден от должности настоятеля, согласно поданному прошению, уволен на покой с возведением в сан архимандрита.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 174. Л. 30.

¹³ *Невалйнен П.* Указ. соч. С. 233.

¹⁴ Там же. С. 242, 244–245;

¹⁵ *Иоффе Э.* Указ. соч. С. 213.

ко одичали, что один из них кричит: “Архиереи все христопродавцы, убить их надо” — и от слов приступает к действию: плюет в лицо Архипастыря¹⁶, входящего в собор для богослужения; другой обмазывает смолой Настоятельские парадные двери; третий, встретясь со скитским схимонахом, кричит ему — “проклятый еретик”; четвертый вывешивает плакаты с ругательным содержанием. А отбывшие с Валаама в Сербию со “смятенными совестями” и там выявляют наружу свое смятение: один из них пишет, что и там их теснят “проклятые попы” и что он не знает, как выбраться из “этой помойной ямы — Сербии”; другой жалуется Архиерею, что не его выбрали настоятелем и уходит из монастыря; третий жалуется на Настоятеля, что последний деньголюбец, обременяет его тяжкими трудами и морит с голоду. [...] И здесь оставшиеся представляют из себя грустную картину. Взгляните хотя бы на выход в трапезу с “Пречистой”¹⁷... одни из “смятенных совестью” боятся преступить порог церковный, дабы не оскверниться, и залезают под лестницу, из-под которой и выползают для шествия в трапезу; другие же, преступив... боятся перекрестить свой лоб, как бы стыдась самих священных образов и боясь святого креста... В трапезе заканчивается эта картина тем, что благословенный в церкви хлеб с презрением отбрасывается в сторону, как крошки мусора, только потому, что в церкви на него испрошено иереем Божие благословение. А “Пречистую” некоторые, желая подчеркнуть свое дикое неистовство, бросают под стол”¹⁸.

Деятельность монастырских властей вызывала много противоречивых толков среди «охранителей», современников событий. Наиболее радикальные из старостильников писали в Москву о том, что Валаамский игумен впал в ересь¹⁹. В современной научной литературе «помощник игумена Харитон» назван «активным проводником календарных и канонических нововведений, проводимых руководством Финляндской Православной Церкви»²⁰. Кем же на самом деле был этот человек — церковным модернистом, ставшим таковым в угоду властям, или патриотом и хранителем святоотеческих традиций?

Когда после смерти своего наставника, игумена Маврикия²¹, и последовавших за этим революционных волнений, требовавших демократизации монастырского правления, экононом монастыря Харитон хотел удалиться в пустынный

¹⁶ Имеется в виду архиепископ Серафим (Лукиянов), управлял Православной Церковью в Финляндии с 1917 по 1923 г.

¹⁷ Часть богородичной просфоры, после Литургии раздаваемая братьям монастыря.

¹⁸ Письмо иеромонаха Харитона отцу И-ну от 9 декабря 1927 г. // Утренняя заря. 1934. № 8–9. С. 61–66.

¹⁹ См.: Письмо иеромонаха Харитона иеросхимонаху Михаилу. Валаам. 4.03.1926 // *Харитон (Дунаев), иером.* Введение нового стиля в ФПЦ и причины нестроений в монастырях. С. 328–329; а также: Утренняя заря. 1934. № 8–9. С. 61–66.

²⁰ *Мусаев В. И.* Православная Церковь в независимой Финляндии (1918–1930-е гг.) // *Вестник церковной истории.* 2007. № 2(6); 2006. № 4. С. 194–212.

²¹ Игумен Маврикий (Баранов, 1839–1918) представлял Валаамский монастырь на Всероссийском Поместном Соборе осенью 1917 г. Иеросхимонах Алексей (Зосимовский Затворник) просил возложить на себя мантию игумена Маврикия, когда вынимал из урны билет с именем избираемого Патриарха (см.: *Иувиан Красноперов, монах.* Монастырская летопись о великой войне 1914–1918 гг., пережитой Валаамским монастырем, и о последующих событиях // Валаамский летописец. М., 1995. С. 176).

скит, практически весь собор²² монастыря собрался «подать в отставку» в знак протеста. То же самое повторилось и в 1932 г., при игумене Павлине, когда наместник и благочинный монастырей Харитон «подал на покой» ввиду жестких разногласий с игуменом. Что удивительно — больше всего протеста это вызвало в Финляндском Церковном управлении, где ссылались на то, что больше ни с кем в соборном монастырском правлении невозможно найти общий язык²³. В январе 1934 г., после 40 лет пребывания в монастыре, игумен Харитон писал: «Промыслом Божиим при конце моей жизни суждено поставить меня во главе этой Обители, которая... замирает, не столько материально, сколько духовно. Духовный распад коренится внутри и выливается наружу, погоняемый и внешними содействующими обстоятельствами. Взвизывая на то и другое, остается только вопиять: изведи из темницы душу мою, исповедатися Имени Твоему»²⁴.

Стойкость игумена в приверженности правилам монашеского делания позволила ему сохранить в финляндском обществе уважение к себе и монастырю в беспокойные 1930-е гг. Лидерам Валаамского монашества удалось удержаться самим и удержать монастырь от вступления в какие бы то ни было политические организации, хотя «новостильная» среда монастыря, к которой принадлежали игумен и духовник, не была однородной. По воспоминаниям одного из самых твердых сторонников календарного противления монаха Иувиана (Красноперова)²⁵: «лжемонахи-карьеристы и в мирное время составляли язву монашества, у коих на уме только повышения и личные выгоды. К сожалению, большинство таких лжеиноков бывают люди более-менее развитые, неглупые, хитрые и опытные в интригах. Большинство таких якобы-монахов — люди, потерявшие совесть и предающиеся разным порокам. Теперь представьте себе, что типы подобных монахов захватили власть в монастыре и им всячески мироварит Сердобольское лжецерковное Управление, то можно представить в каком тяжком пленении оказалась старостильная братия?»²⁶

Достигнув своего пика к 1927 г., монастырский «бунт» в Финляндии пошел на убыль. Конфликт с бывшими русскими монастырями не удалось разрешить с помощью насильственных методов. К тому же то, что в 1920-е гг. бывшие русские обители оказались островками русской культуры в Финляндии, охваченной националистическим бумом, их непонятная стойкость и вызывающее озлобление упрямство в несущественном, с точки зрения ориентированных на лютеранскую культуру властей, вопросе, заставило озвучить в обществе проблему пра-

²² Собор монастыря — старшие и наиболее уважаемые братья обители, входящие в монастырское правление.

²³ VLA (Valamon Luostarin arkisto — архив Финляндского Валаамского монастыря). Папка: «Письменность Отца Игумена Харитона». Дневник Игумена Харитона. Ч. 1. Л. 56–59.

²⁴ Там же. Л. 78.

²⁵ Монах Иувиан Красноперов (1880–1957) родился в Пермской губернии, в семье священника; в 1896 г. окончил Пермское духовное училище; в 1899 г. поступил в Валаамский монастырь; заведовал метеорологической станцией, канцелярией, архивом и с 1947 г. — библиотекой; с 1925 по 1931 г. был сослан на Тихвинский скит по предписанию Церковного Управления за отстаивание старого стиля.

²⁶ VLA. Папка: «Письменность монаха Иувиана». Записки монаха Иувиана (Красноперова). Л. 8–11.

вославных монастырей в Финляндской Церкви и начать поиски более глубоких причин конфликта.

В 1930 г. в Финляндии рассматривалась возможность отделения Церкви от государства и перехода ее на собственное финансирование²⁷. В этой ситуации Валаам стали критиковать «за то, что он не помогал Церкви экономически и не занимался миссионерской деятельностью среди финского населения»²⁸. Однако все расходы по многочисленным судебным делам над старостильниками покрывал монастырь, содержал себя и устраивал высылаемых, платил налоги, полностью финансировал съезды приходского духовенства, проходившие на Валааме в 1926, 1932, 1934, 1937 гг.²⁹ Что касается миссионерской деятельности, то именно ее дискредитировали и ограничивали в Церковном управлении.

На Съезде священнослужителей в 1929 г. вынуждены были избрать особый комитет по проблемам монастырей, куда вошли архиепископ Герман (Аав)³⁰, члены Церковного управления и три представителя от монастырей. На Церковном Соборе 1930 г. «комитет по проблемам» превратился в «комитет по сохранению» под председательством архиепископа Германа. На первом же совещании комитет «по сохранению» подверг острой критике монастыри, которые «пренебрегают своим главным призванием и увлекаются наращиванием экономического благосостояния. Валаамский монастырь совершенно безразличен к нуждам местного православного населения!»³¹

В 1930 г. монастырь содержал 300 человек братии и 100 трудников и рабочих, платил им жалованье, обеспечивал всем необходимым. Как сообщалось в протоколе собрания старшей братии от 13 мая 1930 г., «братия монастыря исключительно питается растительной пищей, рыбу... кусок булки получает только в праздники... питается постным маслом... Имея ограниченные средства, монастырь старается во всем экономить... Помимо этого... бесплатно кормит бедных богомольцев и других лиц, что обходится не [в] один десяток тысяч марок... делает частные пожертвования и впредь не отказывается помогать посильно». Это заявление было сделано правлением монастыря в Церковное управление в мае 1930 г. после распоряжения изыскать 3 млн финских марок на общественные нужды³². Большие средства тратились на созданные в монастыре по распоряжению церковного начальства школу-приют и спецшколу для

²⁷VLA. Aktit 1930. Ea: 144. Д. 28 (Прогрессивный налог на монастырский капитал (1930 г.)). Л. 16.

²⁸ Пурмонен В. Жизнь архиепископа Германа. Православная Церковь в Эстонии и Финляндии. Пиэксмяяки, 1986. С. 64.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ Архиепископ Герман (Аав Герман Васильевич, 1878–1961) 17.06.1922 г. на Соборе Финляндской Православной Церкви избран на должность викария архиепископа Финляндского; после утверждения Правительством в этой должности 8.08.1923 г. хиротонисан Вселенским Патриархом Мелетием IV во епископа Сортавальского, помимо воли правящего архиерея Сефафима (Лукьянова); фактически управлял Финляндской архиепископией с 1.01.1924 г.

³¹ Пурмонен В. Указ. соч. С. 64.

³²VLA. Aktit 1930. Ea: 144. Д. 28 (Прогрессивный налог на монастырский капитал (1930 г.)). Л. 11, 16 об.

карельских мальчиков с преподаванием на финском языке, имевших целью подготовить для монашества национальные кадры. Требования соответствовать национальным приоритетам были жесткие: от преподавания в монастыре отстранили учительницу, которая во внеурочное время общалась с учениками на русском языке³³.

И если мнение старостильника монаха Иувиана окрашено обидой за полное бесправие в родной обители (монах Иувиан не принял финляндского гражданства) — «не признаем здешней финской “церкви” и ее без благодатного епископа Германа (Аав), жестокого гонителя православного монашества, и здешнего разбойничьего т. н. “церковного управления”, которое жестоко и немилосердно грабит русские обители в Финляндии»³⁴, — то выступление лидера национального церковного движения протоиерея С. Окулова³⁵ говорит само за себя: «От мысли пополнить живую силу монастыря русским элементом — необходимо отказаться, как от мысли противозаконной», а «первое условие сохранения и продления жизни» Валаамской обители — «монастырь должен взять на себя святую миссию поддержания и развития православия среди местного карельского населения»³⁶. Главным основанием для поднятия уровня духовной жизни в монастыре члены «Комиссии по сохранению...» назвали скорейшее укоренение финского языка в богослужениях и быту монастыря. Судя по выступлению иеромонаха Харитона на заседании Комиссии, он не слишком надеялся на монашеское возрождение при новых условиях. Его позиция отличалась скептическим соглашательством со «справедливой критикой» и готовностью выделять средства на «финнизацию» монастыря, которую, впрочем, в монастыре, с его же согласия, стремились саботировать при каждом удобном случае³⁷.

31 мая 1932 г. была выпущена инструкция о монастырях Финляндии, согласно которой они безоговорочно должны подчиняться только Церковному управлению и правительству³⁸. Протеста это уже не вызвало. Поправка к Закону о Православной Церкви 1918 г., принятая 14 января 1925 г., передавала Церковному Собору высшее руководство и наблюдение за жизнью монастырей. В 1923 г. правления монастырей еще пытались добиться соответствия монастыр-

³³ См.: Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и Православная Церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. С. 144.

³⁴ VLA. Папка: «Переписка князя Оболенского с Валаамскими монахами». Письмо монаха Иувиана кн. Оболенскому А. В. 10.07.1952 г.

³⁵ Протоиерей Сергей Николаевич Окулов (1853–1940) руководил миссионерским братством препп. Сергия и Германа Валаамских (1885); возглавлял комиссию по переводу на финский язык богослужебных книг и церковной литературы; в 1920-е гг. предлагал сократить посты и богослужения для привлечения в Церковь местного населения; один из активных членов Финляндского Церковного управления; лидер движения епархиального клира и учителей за отделение от Московского Патриархата.

³⁶ VLA. Aktit 1930. Ea: 144. Д. 27 (Комиссия для принятия мер и способов к поддержанию монастыря). Выступление прот. С. Окулова на заседании Комиссии по сохранению монастырей 17 ноября 1930. Л. 13.

³⁷ См.: Там же. Л. 13–20.

³⁸ См.: VLA. Папка: «Разные записи, воспоминания и стихотворения Игумена Нестора». «Канноноски».

ских традиций с законами страны. Известно прошение от монастырей в Государственный совет о том, что удаление от управления архиепископа Серафима³⁹ создаст особенно тяжелое положение монастырям, «где всею духовною и административною жизнью ведаёт Архипастырь — и как имеющий высшую степень священства, и как сам монах, знающий монашескую жизнь по своему личному опыту. Церковное же Управление, состоящее из священников и мирян, не может руководить жизнью монастырей»⁴⁰.

Национальная Церковь предполагала и национальное монашество с новыми традициями. Валаамские старцы весьма скептически оценили это начинание: «Наши церковники устроили в монастыре приюты с целью воспитать монахов. Не зная монашества и монастырской жизни, опытом взялись воспитать монахов. И что у них вышло? Вышел мыльный пузырь — красивый, но лопнул. Это подобно тому, как если ученый монах, не зная опыта монастырской жизни, будет управлять монастырем — тоже толку не жди». Не «ждали толку» и «от ума» составленного «посторонними верхоглядами» монастырского устава. «В монастырях воспитывали монахов, но у них условия были совсем другие» — все окружающие «опытом проходили духовную жизнь»⁴¹.

В финской и русской культурах понимание назначения монастырей и монашества было различным. 23 мая 1935 г. присутствующие на «собрании о сохранении в Финляндии монастырей»⁴² архимандрит Павлин и игумен Харитон ходатайствовали, чтобы Правительство и Церковное управление пропускали из-за границы желающих поступать в монастыри. Братство старело, а притока новых сил не было, некому оказывалось передать уникальный духовный опыт. «Священник Окулов был против, а священник Н. В. сказал, что мы худо воспитываем детей», — вспоминал один из Валаамских иеромонахов⁴³.

В 1930-е гг. Валаамский монастырь удалось представить в финляндском общественном сознании как «сторожевую башню», охраняющую христианство на Западе от натиска восточного атеизма⁴⁴. 30 ноября 1933 г. игумен Харитон записал в дневнике: «С тех пор, как вступил в управление монастырем, прошло полгода, и, по милости Божией, с правительственными учреждениями: Военным ведомством, Лесным и Церковным Управлениями натянутость ослабла, безвы-

³⁹ Архиепископ Серафим (Лукьянов, 1879–1959) был уволен Финляндским правительством за несогласие содействовать курсу национальной власти; с 1927 по 1945 г. возглавлял Западно-Европейскую епархию РПЦЗ; в 1937 г. возведен в сан митрополита; в 1945 г. вошел в юрисдикцию Московской Патриархии; с 1946 г. Экзарх Московского Патриархата в Западной Европе; в 1949 г. уволен на покой; обратился с ходатайством о возвращении в РПЦЗ, принес покаяние в сотрудничестве с Московской Патриархией, затем снова перешел под омофор Московской Патриархии; в 1954 г. переехал в СССР. С 1956 г. пребывал на покое в Гербовецком монастыре Молдавской епархии.

⁴⁰ VLA. Aktit 1917–1919. Ea: 135. D. 20 (Финляндская Православная Церковь, ее организация и быт за последнее время). Л. 102.

⁴¹ Иоанн (Алексеев), схим. «Загляни в свое сердце»: публикация писем и статей / Сост. иерод. Онуфрий (Маханов). М., 2006. С. 305.

⁴² НАРК. Ф. 762. Оп. 2. Д. 16. Дневник иеромонаха Памвы. Запись от 23.05.35.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: *Loima Jyrki. Nationalism and Orthodoxy. Helsinki, 2004. S. 166.*

ходных положений не вижу»⁴⁵. Однако позиция монастырского руководства не пересеклась с политическими интересами монархистов в Финляндии. «Новостильники» — иеросхимонах Ефрем и игумен Харитон — не были проводниками «русского дела» в том смысле, в каком это понимали архиепископ Серафим (Лукиянов) или полковник Григорьев. Сам игумен Харитон утверждал, что в свое время был одним из ближайших помощников архиепископа Серафима по управлению епархией, находился в курсе всех внутренних и внешних дел Православной Церкви Финляндии и всегда сохранял почтительное сыновнее отношение к своему архипастырю. Однако, как упоминает в своих записях игумен, он также состоял в переписке с митрополитом Сергием (Страгородским)⁴⁶ и именно его точкой зрения руководствовался в своем отношении к «календарному» вопросу.

Митрополит Сергей, хотя и признавал канонически более правильной позицию старостильников⁴⁷, не поддерживал их линии на разрыв евхаристического общения с «новостильным» руководством. По его мнению, это могло привести к внутреннему расколу: «К сожалению, самочинники, ослепленные своею мнимую праведностью и принимая бесчиние за исповедничество, оказались уже не способными внимать голосу благоразумия и указаниям пастырского долга»⁴⁸ и «при смертной нужде я бы скорее обратился к новостильникам. Сам по себе новый стиль не служит достаточным основанием разрыву молитвенного и евхаристического общения. [...] Валаамские старостильники, вероятно со слов митрополита Антония⁴⁹, называют Финляндскую Церковь обновленческой. Но ниоткуда не видно, чтобы она была в общении с обновленцами. Называть ее обновленческою за общение с Константинополем тоже нельзя. [...] Одним словом, наша Церковь разрыва с Константинополем пока не имеет и не мирянину его начинать»⁵⁰. В кругах, близких митрополиту Сергию, Валаамских старостильников считали «карловчанами» и возлагали большую часть вины за смуту в монастыре на митрополита Антония (Храповицкого)⁵¹.

⁴⁵ VLA. Папка: «Письменность Отца Игумена Харитона». Дневник Игумена Харитона. Ч. 1. Л. 77.

⁴⁶ Архиепископ Сергей (Страгородский Иван Николаевич, 1867–1944), с 1905 г. по август 1917 г. управлял Финляндской епархией Православной Российской Церкви. В 1917 г. был возведен в сан митрополита, в 1925 г. назначен заместителем Патриаршего Местоблюстителя; в 1943 г. на Поместном Соборе Русской Православной Церкви избран Патриархом Московским и всея Руси. Скончался в 1944 г. в возрасте 77 лет.

⁴⁷ См.: Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и Православная Церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. С. 331–334.

⁴⁸ Цит. по: Письмо игумена Харитона схимонаху Дорофею // Утренняя заря. 1934. № 6–7. С. 47.

⁴⁹ Митрополит Антоний (Храповицкий Александр Павлович, 1863–1936) управлял Уфимской, Волынской, Харьковской епархиями; в 1912 г. член Священного Синода; с 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий; в 1920 г. эмигрировал из Советской России; возглавил Высшее церковное управление за границей, а после его упразднения Святейшим Патриархом Тихоном — Архиерейский синод Русской Православной Церкви за границей; в 1927 г. после Декларации митрополита Сергия окончательно порвал отношения с Московским Патриархатом; скончался и погребен в Белграде.

⁵⁰ Письмо митрополита Сергия (Страгородского) митрополиту Литовскому Елевферию от 23.12.1933 (ст. ст.) // Утренняя заря. № 6. С. 82. № 7. С. 52–53.

⁵¹ См.: НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 116. Л. 42.; См.: Яровой О. А., Смирнова И. А. Указ. соч. С. 129.

Архиерейский Синод за границей, оставивший за собой право духовного окормления русского зарубежья⁵², не мог отказать просящим о духовной помощи. Старостильники, в большинстве своем не принявшие финляндского гражданства⁵³, искали духовного совета в смущающем их совести вопросе у наиболее авторитетных из доступных им архиереев за границей, поскольку большевистская действительность в новой России не вызвала у них доверия. Политически мотивированные действия белоэмигрантов и советских разведорганов усиленно пытались направить деятельность Заграничного Синода в нужном для них русле. «Наблюдалась борьба за влияние на духовную власть в Русском Зарубежье», и высказывания его лидеров, митрополитов Антония и Евлогия, зачастую отражали противостояние их окружений⁵⁴. Не стоит забывать и о том, что у руля правления Финляндской Православной Церковью стояли священники и миряне, причем некоторые лютеранского вероисповедания, имеющие свое понимание специфики устройства Православной Церкви. К сожалению, в 1920-е гг. такой важный канонический аспект, как стремление поддержать согласие и взаимодействие различных административных частей единой Русской Православной Церкви, оказавшихся разделенными географически, был истолкован превратно и подвергся жесткой политической спекуляции в обстоятельствах борьбы за политическое влияние и власть, как в России, так и в Финляндии.

И, хотя Финляндское Церковное управление в общем было удовлетворено своей политикой в отношении православных монастырей⁵⁵, на заседаниях «Комиссии по сохранению...» не уставали напоминать: «...важнейшим однако является то, чтобы монастыри, наконец, поняли, что будущность их зависит всецело от того, насколько им удастся заполнить ряды своей братии местными жителями и, поняв это, оставили медлительность и приступили не к показным только, но к действенным мероприятиям для привлечения в монастырь живой силы из среды местного православного населения»⁵⁶.

Общая благочинническая ревизия Валаамского монастыря 1937 г. докладывала о религиозно-нравственном состоянии братства: свято чтущие монашеские традиции валаамцы «еще и по сей день производят впечатление подвижников древности»; в монастыре развито старчество; вся братия, «кроме известной группы», принимает участие в регулярных богослужениях и «к принятию Святых Христовых Тайн приступают по одному разу в каждом посту, в Великий пост — дважды», более молодые приобщаются чаще; существенных пороков ни у кого не обнаружено, во всем наблюдается послушание и взаимопонимание. Ревизия

⁵² Собор архиереев Русской Православной Церкви за границей в мае 1923 г. вынес отрицательное решение по вопросу о принятии Зарубежной Церковью функций Всероссийской Церковной власти (см.: *Кострюков А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: организация церковного управления в эмиграции. М., 2007. С. 179–180).

⁵³ В августе 1919 г. в монастыре было 84 финляндских гражданина, в 1930 г. — 102, а в 1937 г. соотношение «финляндцев» и «россиян» составило 146 на 147 человек (см.: *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 44–45, 62).

⁵⁴ См.: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х гг. С. 216.

⁵⁵ См.: *Пурмонен В.* Жизнь архиепископа Германа. Православная Церковь в Эстонии и Финляндии. С. 65.

⁵⁶ VLA. Aktit 1936. Ea: 149. D. 19 (Комиссия по сохранению монастырей). Л. 5.

также отметила образцовое состояние монастырских приюта и школы — «дети одеты чисто и тепло и кажутся довольными. Отец игумен Харитон часто посещает приют и, видимо, с любовью печется о нем»⁵⁷.

После эвакуации Валаамского монастыря в глубь Финляндии в 1940 г. на бывшей Родине «советское правительство объявило Валаамских монахов изменниками страны и врагами Советского Союза. Их считают белогвардейскими беженцами, которые распространяют враждебную пропаганду. <...> Это означает, что если кто из Валаамских монахов попадет в руки русских, их расстреляют», — сообщала пресса в Финляндии⁵⁸. «Мы по национальности русские люди, и нам было очень прискорбно, что все так получилось. Теперь вопрос был поставлен ребром: куда мы бедные денемся?»⁵⁹

Основывая в Финляндии «Новый Валаам», игумен Харитон не желал внести в него «старый» раскол. Прежде чем возобновить монастырскую жизнь на новом месте, он предложил старостильникам восстановить евхаристическое и молитвенное общение. Для этого новостильники, по-прежнему считающие «старый» стиль священным и принявшие «новый» только из послушания высшему священноначалию согласны вернуться к юлианскому календарю. Игумен Харитон, зная о своем авторитете в Церковном управлении, рассчитывал получить на это неофициальное разрешение архиепископа Германа (Аава). В противном случае старостильникам предлагалось взять положенную им часть материального имущества и средства и самим устроить свою дальнейшую судьбу. Иеромонах Иоасаф⁶⁰, возглавляющий старостильную братию, дал следующий ответ: «Вся братия не желает входить с Вами в молитвенное общение, хотя бы Вы перешли и на старый стиль, но не желают и материального раздела»⁶¹.

Однажды игумену пришло письмо, в котором его призывали покаяться за пятнадцатилетнее гонение старостильников, благодаря которому «гнев Божий постиг не только Валаам, но и всю Финляндскую Церковь». Автор писал, что и «эта кара Божия не образумила» игумена, и «он продолжает гнать старостильников» и якобы намеренно поставил их в условия, обрекающие на вымирание: большая скученность, нехватка необходимых вещей, называл игумена главным виновником нарушения церковного канона, «истинным раскольником и отступником». Игумен Харитон ответил, что условия жизни на Новом Валааме та-

⁵⁷ Valamon Luostarin arkisto. Aktit 1937. Ea: 150. Д.27 (Благочинническая ревизия Валаамского монастыря в 1937 г.). Л. 15–22.

⁵⁸ Валаамские монахи объявлены врагами Советского Союза // Уси суоми. 1940. № 82. 27 марта.

⁵⁹ *Нестор (Киселенков), игумен*. В иных пределах / Публ. Н. Корниловой // Север: Валааму посвящается. 1991. № 9. С. 118–126.

⁶⁰ Иеромонах Иоасаф (Александров, 1872–1948). В 1897 г. поступил в Валаамский монастырь; в 1906 г. пострижен в мантию; в 1908 г. рукоположен во иеромонаха; в 1910 г. назначен на должность казначея; в 1918 г. большинством голосов братии избран наместником, утвержден Церковным Управлением в должности после принятия финляндского гражданства в 1920 г.; за верность «старому стилю» Низшим церковным судом был запрещен в служении до публичного раскаяния, отстранен от должности наместника, сослан на Тихвинский скит Валаамского монастыря.

⁶¹ См.: VLA. Папка: «Письменность Отца Игумена Харитона». Дневник Игумена Харитона. Ч. 2. Л. 20–25.

кие же суровые, как и у ожидающих переселения старостильников — не хватает необходимого. «Если старостильники живут теперь в одинаковых условиях [...] и сплетают легенды, что их гонят, [...] то, что же можно ожидать [...] с приездом на Новый Валаам, кроме смут и распространения легенд за границей о их невыносимом положении [...] Для чего их стремление совместного с нами жительства, если в их сознании мы раскольники и отступники, гнавшие их в течение пятнадцати лет, [...] раз отвергнув духовное молитвенное общение со всем братством, [...] для чего же теперь соединяться материально?»⁶². Иеромонах Иоасаф заверил Игумена, что письмо написано без его ведома и не отражает позиции всего старостильного братства: «все [...] выражаем готовность благопокорно подчиняться всем Вашим распоряжениям кроме религиозных вопросов, т. е. старого стиля и Пасхалии, [...] исполняя беспрекословно все возлагаемые на старостильников послушания с должным усердием, [...] наравне с новостильным братством, [...] питаем надежду, что Вы не откажете [...] снабдить нас [...] необходимыми предметами, [...] а по времени и переселить нас на Новый Валаам»⁶³.

Игумен Харитон беспокоился, что «без религиозного послушания, которое есть, основа монашеской жизни, Община превратится в бездушную коммуну», что «лицам, наверху стоящим и настаивающим на ликвидации монастырей» можно противопоставить только сплоченность: «монастырями считаются не здания только и уголья, которые нами утеряны, [...] а общество или братство, связуемое религиозным уставом, [...] и не место его сплачивает, а идея служения Богу, выраженная в монастырском уставе». Он полагал, что материальное единение при отсутствии духовного приведет и на Новом Валааме к той ненормальной жизни, которая сложилась на «Старом» из-за религиозного раскола, и это будет вредить спасению братии и существованию Обители. В результате этой дискуссии игумен все же поселил старостильников вместе с остальным братством⁶⁴. Таким образом, в монастыре на Новом Валааме «обедать сходились вместе, а Богу молились врозь» вплоть до 1945 г.⁶⁵

После победы во Второй мировой войне авторитет СССР на международной арене возрос, и советское правительство делало попытки использовать Московскую Патриархию для преодоления идеологического барьера со странами Европы⁶⁶. После 1945 г. всерьез обсуждалась возможность для Финляндской Православной Церкви вернуться в каноническое подчинение Московской Патриархии, а монахам Валаамского монастыря было предложено вернуться на родину. В 1945 г. в Финляндию прибыл митрополит Ленинградский Григорий (Чуков)⁶⁷

⁶² Там же. Л. 23–24.

⁶³ Там же. Л. 28–31.

⁶⁴ См.: Там же.

⁶⁵ См.: VLA. Папка: «Разные записи, воспоминания и стихотворения Игумена Нестора». «Канноноски» (рукопись, подлинник, без нумерации листов).

⁶⁶ См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 284–294.

⁶⁷ Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков Николай Кириллович; 1870–1955) родился в Петрозаводске Олонецкой губернии; окончил Олонецкую семинарию (1889), Санкт-Петербургскую духовную академию (1895); рукоположен (1897); ректор Олонецкой духовной семинарии (1911–1918); с 1920 г. настоятель Казанского собора и ректор Пет-

для переговоров с администрацией Финляндской Церкви. Он принял в каноническое послушание Московской Патриархии Валаамский, Коневский монастыри и два прихода в Хельсинки. В поездке митрополита Григория сопровождал его секретарь, А. Ф. Шишкин, в прошлом обновленец, связанный с ОГПУ. На обновленческом «соборе» 1925 г. А. Ф. Шишкин был одним из помощников секретаря «собора» проф. Б. В. Титлинова⁶⁸. Он был также личным секретарем обновленческого «архиепископа» Лужского Николая (Платонова), викария Ленинградской митрополии, с 1934 г. «митрополита» Ленинградского, осведомителя и агента ОГПУ. Впоследствии Шишкин остался на службе в Патриархии⁶⁹. По воспоминаниям валаамских игуменов, именно А. Ф. Шишкин проявлял настойчивость в стремлении провести присоединение Валаамского монастыря⁷⁰. Как бы там ни было, последствия воссоединения оказались благотворными для престарелого уже Валаамского братства. И старостильники, и новостильники возобновили совместное служение по «старому» стилю, что принесло мир в многострадальную обитель. После чина покаяния, проведенного митрополитом Григорием для братии Валаамского монастыря, весь монастырь перешел в каноническое послушание Московской Патриархии.

Игумен Харитон приложил немало сил, чтобы незадолго до своей кончины провести это воссоединение «старостильников» и «новостильников» вверенного ему братства. Подобная процедура, когда Валаамский монастырь, административно оставаясь в подчинении Финляндскому Церковному управлению, перешел в каноническое послушание Московской Патриархии, оказалась возможной во многом благодаря личному авторитету настоятеля, как в церковном управлении, так и в своем монастыре. Воспоминания об этом событии оставили два игумена Валаамского монастыря разных лет — Харитон (Дунаев) и Нестор (Киселенков)⁷¹. Ниже приводятся выдержки из дневника игумена Харитона, хранящегося в архиве Финляндского Валаамского монастыря.

Воссоединение продлилось до официального восстановления отношений между Русской и Финляндской Православными Церквями в 1957 г. 8 мая 1957 г.

роградского Богословского института. В 1922 г. арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей», приговорен к расстрелу, замененному пятью годами тюрьмы. В 1935 г. выслан из Ленинграда в г. Саратов. Овдовел. В 1942 г. пострижен в мантию; хиротонисан во епископа Саратовского. Возглавлял Астраханскую, Псковскую, Олонецкую епархии. С 1945 г. митрополит Ленинградский и Новгородский. Неоднократно возглавлял церковные делегации за рубеж.

⁶⁸ См.: Левитин А., Шавров В. Второй обновленческий собор // Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 3. М., 1996. С. 512.

⁶⁹ Умер в 1966 г., когда был профессором Ленинградской духовной академии (см.: Краснов А. Закат обновленчества был // Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 3. М., С. 623).

⁷⁰ См.: VLA. Папка: «Разные записи, воспоминания и стихотворения Игумена Нестора». «Канноноски». См. также: Воспоминания игумена Нестора (Киселенкова) // Север. 1991. № 9. С. 118–126.

⁷¹ Игумен Нестор (Киселенков), с 1949 г. иеромонах Нестор, был экономом монастыря, с 1952 г. возглавлял Ново Валаамскую обитель до своей кончины в 1967 г. (см.: Воспоминания Игумена Нестора (Киселенкова) // Север. 1991. № 9. С. 118–126).

монастырь посетил митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, который объявил монахам, что Валаамский монастырь теперь должен не только в административном, «но и в молитвенно каноническом» отношении подчиняться Финляндской Православной Церкви, а желающие продолжить иноческую жизнь в Советском Союзе будут приняты в монастыри Русской Православной Церкви. В то время Валаамское братство состояло из 60 человек. Семь старцев остались тверды в своем решении вернуться на родину — старшему из них было 84 года, младшему — 59. Делом отправки заведовал секретарь советского посольства в Хельсинки И. А. Шишкин, или, как называли его монахи, «Шишкин № 2», «который был с митрополитом, вероятно как “глаз”. Он очень желал, чтобы как можно больше старцев уехало в СССР. Какая цель — Бог весть»⁷². Многие в монастыре недоумевали, почему их теперь заставляют делать то, в чем предписали торжественно покаяться в 1945 г.: «Нас, бедных монахов, заставляли приносить покаяние с таким торжеством и наделали много шума, а теперь опять приказывают подчиниться канонически Финляндской Церкви, которая Святую Пасху служит по новому стилю». Многие задумались о причинах воссоединения Русской и Финляндской Церквей — «Евангельская любовь, покрывающая множество грехов, или что-то другое»⁷³.

Возможным ли было для церковной организации Финляндии, чье население составляло 4 млн человек, в напряженное межвоенное время оказаться не втянутой в мутный поток политических интриг борьбы за власть и единство в этой стране? Церковные деятели «русского» направления не могли избавиться от привычного стереотипа отношений с государственной властью. Отношения же внутри финляндского общества, выстроенные по принципу «мы—они», не способствовали росту взаимопонимания. Общее неприятие большевизма, сплотившее интеллигенцию и простой народ в Финляндии, только усилило водораздел с прежней митрополией — Россией. Творившееся в России наводило на мысль об отверженности Богом этой великой страны, которой за грехи ее попущено глумление от безбожников. Далеко не все даже среди эмигрантов сумели четко провести границу между Россией и Советским Союзом. Одновременно авторитет Валаамского монашества, опиравшийся на высокий уровень духовности его старцев, невольно заставлял считаться как с традициями русской культуры, так и с наследием Православной Российской Церкви. И, естественно, в эмигрантских кругах возникало стремление опереться на эту духовную твердь не только в вопросах духовной жизни.

Важная заслуга валаамских подвижников, что они ценой испытаний и скорбей приобрели опыт совместного жительства в противоречиво сложных обстоятельствах, сумев при этом сохранить дух истинно православного монашества. Порой мучительный, этот опыт не всегда приводил к положительным результатам, но ценность его очевидна. Не желая отделяться друг от друга, братия в Валаамском монастыре чувствовали себя членами единой Церкви. Каждый поступал по совести и вере своей. Сегодня, спустя много лет, институт православного

⁷² VLA. Папка: «Разные записи, воспоминания и стихотворения Игумена Нестора». «Канноноски».

⁷³ Там же.

монашества занял свое достойное место в Финляндской Церкви. А Валаамский монастырь и его святые подвижники одинаково близки и почитаемы как в России, так и в Финляндии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Записки настоятеля Валаамского монастыря игумена Харитона (Дунаева) о воссоединении монастыря с Московской Патриархией

1 февраля 1946 г.

«Краткая история соединения расколовшегося в 1925 году
Валаамского братства и соединившегося в 1945 году и
вместе с тем воссоединения с Московской Патриархией».
Папинниemi. 1.02.1946 г.

Святительское служение Святейшего Патриарха Сергия было знаменательно тем отрадным обстоятельством, что стало проявляться более устойчивое правовое положение Православной Церкви в Советской России. Это доброе наследие он передал своему достойнейшему Преемнику Российского Патриаршего Престола Святейшему Патриарху Алексию, стяжавшему к себе всеобщее уважение и горячую любовь своей бесчисленной паствы.

Это радостное обстоятельство подвигло и монашествующих Валаамского монастыря поднять вопрос о возвращении их в родную им обитель Валаамскую, невольно оставленную ими в силу военных обстоятельств 1939 и 1940 гг. 26 ноября 1944 г. от лица т. н. старостильной братии монах Иувиан обратился с письменным прошением к Митрополиту Ленинградскому Алексию, тогдашнему Заместителю Патриарха всея Руси, в котором, между прочим, выражал следующее: «Наш иноческий долг и наша совесть повелевают нам вернуться в родную разоренную обитель, чтобы основать первоначальную, и на первых порах хотя бы небольшую ячейку монашеского общежития, приложив свои скудные старческие силы на восстановление родной для нас обители и завершить здесь свое земное поприще... ввиду сего, почтительнейше просим Ваше Высокопреосвященство воссоединить нас с Матерью — Русской Православной Церковью и, вместе с тем, исходатайствовать нам от Советского Правительства милостивое разрешение возвратиться в Валаамский монастырь. К этому присовокупляем, что небольшая группа монастырских иноков обращается к Вашей Святительской благодати лично от самих себя, без ведома и согласия нашего Отца Настоятеля, Игумена Харитона, который, довольствуясь пребыванием в Финляндии, не намерен возвращаться на Валаам. Из опасения, что Отец Игумен может нам не сочувствовать, по этой причине мы обращаемся к Вашему Высокопреосвященству, минуя своего Настоятеля. Возвращение на свою духовную Родину жаждут многие из среды всего нашего братства, общее количество которого простирается до 135 человек, проживающих здесь, в Финляндии. При сем, имеем

честь представить именной список нижеподписавшихся, желающих возвратиться в Валаамский монастырь, с указанием возрастов, времени проживания на Валааме и трудовой специальности каждого из нас. Финляндия. Папинниemi. 26 ноября 1944 г.

Подписали иеромонахи: Иероним, Тимон, Никита и Исавр; монахи: Гурий, Гавриил, Логгин, Трифилий и Иувиан».

Об этом прощении я узнал только 16 февраля 1946 г.

Своим письмом от 29 марта 1945 г. я уведомил Святейшего Патриарха Алексия о положении Валаамского братства и о том, что, благодаря указаниям покойного Святейшего Патриарха Сергия, Валаамская обитель, находясь в лоне Финляндской Церкви, сохранила каноническое и молитвенное общение и с Российской Церковью, и просил Архипастырского благословения для всего братства, и выразил надежду, что и наша Финляндская Православная Церковь возвратится в лоно своей Матери — Русской Церкви.

В дальнейшем я получил от господина Нортамо копию письма к Святейшему Патриарху Алексию и ответ на него Патриарха от 27 апреля 1945 г., который гласит: «что Финляндская Православная Церковь в настоящее время имеет не совсем ясное каноническое устройство: отделившись от Матери Русской Церкви и получив без ее санкции автономию от Вселенского Патриарха, она тем самым порвала каноническую связь с нею».

Вместе с тем ознакомился я и с письмом Святейшего Патриарха Алексия, на имя Архиепископа Германа [Аав] от 8 мая 1945 г., в котором говорится: «Было бы истинной радостью для меня и нашей Церкви, если бы восстановилось молитвенно-каноническое общение между нашими Церквами, нарушившиеся после отхода Вашей Церкви от Матери-Церкви. И Вашему Высокопреосвященству принадлежала бы историческая заслуга в деле возвращения Церкви Финляндской к родной Матери. Об этом я горячо молюсь и, братски сердечно лобызая Ваше Высокопреосвященство, верую, что Господь нам в этом поможет».

Ознакомившись с вышеуказанными письмами, я написал вторично Святейшему Патриарху Алексию письмо от 5 июня 1945 г., в котором поместил выписки из писем Блаженнейшего Митрополита Сергия о каноническом положении Русской Православной Церкви по отношению к Финляндской Церкви и, в частности, к Валааму, а в заключении написал следующее: «Итак, Валаам, находясь под опекой Блаженнейшего Митрополита Сергия и стремясь идти по его указаниям, тем самым сохранил каноническое общение с Русской Церковью и до сего времени. Теперь же из цитируемого письма вашего Святейшества к Петру Нортамо мы видим, что, из-за перехода Финляндской Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, каноническая связь ее с Русской Церковью прервана. Мы не знаем, когда Финляндская Православная Церковь будет принимать какие-либо меры для восстановления канонической связи со своей Матерью — Русской Церковью. Поэтому, умоляем Ваше Святейшество сделать нам указания, как нам поступить, дабы не погрешить пред Богом и Его Святой Церковью, ибо для Валаама прискорбно сознавать себя, что он находится в разрыве с истинной своей Матерью — Русской Церковью. В указаниях Ваших Обители мы будем видеть волю Божию, что и успокоит все наше братство, волнуемое

разными юрисдикциями. Итак, будем ждать, что речет Господь через Вас, Ваше Святейшество, нашей обители».

Не зная о том, получено ли мое первое письмо Святейшим Патриархом Алексием, я решил мое вышеупомянутое вторичное письмо доставить лично в Русское посольство. По пути предварительно заехал в город Куопио к Архиепископу Герману, чтобы прочесть ему мои письма к патриарху Алексию: копию первого и подлинник второго письма, а так же познакомить с этими письмами и секретаря Церковного Управления А. И. Перола, что и было мною исполнено.

Из Куопио я отправился в Гельсингфорс. По прибытии туда, познакомил епископа Александра⁷⁴ с упомянутыми письмами и только после этого, 8 июня 1945 г., отдал господину Маевскому в Русском посольстве мое письмо и книги: «Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви» и трактат профессора Н.Н. Глубоковского⁷⁵: «Война и мир в Финляндской Православной Церкви». При этом господин Маевский заверил меня, что все это будет доставлено патриарху Алексию.

На это письмо мы ожидали ответ от патриарха, но его так и не было. Как и первое, (второе) мое письмо к нему осталось без ответа.

Спустя некоторое время в местных газетах появилось сообщение о прибытии в Финляндию Представителя Русского Патриарха, Митрополита Григория, по церковным делам. Поэтому, я просил моих знакомых в Гельсингфорсе сообщить мне о прибытии туда Митрополита Григория. 30 сентября по телефону мне сообщили, что Митрополит Григорий уже в Гельсингфорсе. В тот же день я немедленно выехал из обители и 1 октября был уже в Гельсингфорсе, где узнал, что посредник старостильной братии по письменному сношению с Московской Патриархией, И. Матси, уже был у Митрополита Григория. А потом у него был принят и я, в присутствии секретаря митрополита, Александра Федоровича Шишкина. И началась наша беседа. Заговорил сам Митрополит:

— Вы все ругаетесь? — Я спросил: «С кем?» Митрополит ответил: «Со старостильниками. Вам нужно каяться, и каяться чистосердечно, и не знаю: простят ли еще вам?» — На это я ответил: «Во-первых, мы не ругаемся, а во-вторых, если нужно нам каяться, то должно знать, в чем мы грешны. Если считать за грех, что мы оказались вместе с Финляндской Церковью в юрисдикции Вселенского Патриарха, то если бы в то время не сделать этого, пожалуй, теперь и Финляндской Церкви не существовало бы, а также и монастырей: немалая часть иноков высланы в Россию и в Сербию, а остальные старостильники находятся в юрисдикции Карловацких епископов. Если Финляндская Православная Церковь, видя неминуемую беду, перешла в юрисдикцию Вселенского Патриарха и тем

⁷⁴ Епископ Александр (Карпин) († 1969), уроженец Финляндии. В 1925 г. Православная Церковь в Финляндии была разделена на две епархии: Карельскую и Выборгскую, но последняя долго оставалась вдовствующей из-за того, что в Церковном управлении не могли подобрать подходящих кандидатов на епископство. В ней было 12 приходов, расположенных на Карельском перешейке и в Южной Финляндии. Только в 1935 г. на кафедру в Виипури (Выборг) был хиротонисан овдовевший Александр (Карпин), с 1940 г. епископ Гельсингфорский.

⁷⁵ Профессор Глубоковский Н. Н. проживал в Финляндии с августа 1921 г. по май 1922 г. В 1929 г. в Софии была опубликована его работа «Война и мир в Финляндской Православной Церкви».

закрепила свое положение в стране и спасла Православие, а также и монастыри, находясь в подчинении Финляндской Православной Церкви, получили свои законные права для существования, несмотря на тяжелое испытание войны, монастыри все же сохранились в Финляндии. Неужели в этих действиях нам нужно еще раскаиваться?»

Владыка промолчал, но его секретарь стал говорить следующее:

— Отец Игумен! Нам поручено Патриархией воссоединить Валаамское братство под юрисдикцию Русской Православной Церкви, зная, что братство этого желает, то нам и нужно оформить это письменно. Хотя вы, помимо вашего желания и участия, все же оказались не в Российской юрисдикции и, чтобы возвратиться в свою родную Русскую Церковь, то нужна некая формальность покаяния в невольном грехе.

Затем секретарь, обратясь к Митрополиту, сказал:

— Мало ли Вам, Владыка, пишут в Москву, за подписью какого-то иеромонаха Иеронима?

Митрополит спросил:

— А ваши старостильники разве карловчане?

— Да! — ответил я.

— Тогда они еще дальше ушли, и они должны каяться. Я еду в Куопио для переговоров о церковных делах с Владыкой Германом, а потом приеду и к вам, — сказал Митрополит.

— Я тоже, Владыка, поеду с Вами.

На эти мои слова он ответил согласием:

— Хорошо, едемте вместе!

Я опять задал ему вопрос, получил ли патриарх мои письма?

— Да, получил, и поручил это дело мне.

— По письмам покойного митрополита Сергия, мы состоим в общении с Русской Церковью. На эти мои слова Владыка Григорий возразил:

— Это его личное мнение.

— С какого времени Русская Церковь прервала каноническое общение с Финляндской Церковью? — задал я вопрос.

— С того времени, как она перешла в юрисдикцию Константинополя, — ответил Митрополит.

Потом мы перешли к другим вопросам и после обмена мнениями расстались до отъезда в Куопио, где в то же день в Церковном Управлении было совещание Митрополита Григория и его секретаря А. Ф. Шишкина с Архиепископом Германом и секретарем Церковного Управления А. И. Перола.

Прежде всего, Митр[ополит] Григорий обратился к Архиеп[ископу] Герману с речью. Выслушав обращение Митр[ополита] Григория, глава Финляндской Православной Церкви, Архиепископ Герман ответил:

— Я думаю, что в принципе нет препятствий к нашему единению, ибо по смыслу, которым обуславливался переход Финляндской Православной Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, переход этот имеет временный характер. Теперь обстоятельства для разделения отпали. Шаг, сделанный Финляндской Православной Церковью, разумеется отпадение в Константинополь-

скую Патриархию, был в свое время разумным и полезным шагом. Лютеранство объявило нас язычниками. И даже раздавались голоса о необходимости полного искоренения православия в Финляндии. Если бы мы не занялись своевременно перестройкой нашей церковной работы, мы потеряли бы многое. Может быть и все, чем обладали. Ныне, повторяю, обстоятельства для разделения отпали. Переход Финляндской Православной Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии не встречает препятствий. Большинство ничего не имеет против этого перехода. Было бы, конечно, лучше, чтобы Патриарх Московский лично снесся по сему делу с Константинопольским Патриархом».

Далее Архиепископ Герман ответил на заданные ему вопросы:

— Да, я не нахожу принципиальных препятствий к возврату Финляндской Православной Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии и потому считаю это дело вполне естественным и логичным.

— Я буду отстаивать и проводить идею воссоединения Церкви Финляндской с Матерью-Церковью Российской.

Секретарь Церковного Управления А. И. Перола повторил то же, а в дальнейшем — и епископ Александр.

Эта беседа запротоколирована и подписана всеми упомянутыми лицами, 3 октября 1945 г. в г. Куопио.

4 октября 1945 г. Все мы, т. е. Митр[ополит] Григорий, секретарь его Александр Федорович и сопровождавший их из посольства Иван Васильевич Филиппов, а так же и я — прибыли на автомобиле в Папинниemi, где колокольный звон возвестил о прибытии Высокого гостя.

Братия собралась для встречи около церкви, старостильная же братия находилась отдельно, около своего дома, во главе со своим доверенным посредником Иоанном Матси, прибывшим из Гельсингфорса в Папинниemi ранее нас для подготовки встречи Владыки и для руководства старостильников по возбужденным ими делам, при этом он обратился к отцу Наместнику, иеромонаху Исаакию, с вопросом, готов ли он возвратиться в лоно Русской Церкви, на что получил от него утвердительный ответ: «готов!» Владыка Григорий, подойдя к церкви, где стояли новостильное братство, преподал каждому из них благословение. После этого направился к дому, где стояли старостильники, причем И. Матси представил Владыке некоторых из них, называя имя и сан. Старостильное братство встретило Архипастыря земным поклоном и пением тропаря препп. Отцам Сергию и Герману, и все они приняли от него благословение. После этого Владыка со своей свитой проследовал в покои Настоятеля, где был приготовлен чай, после которого он благословил всему братству собраться в храме, что и было исполнено. Во время чаепития владыка сообщил, что Финляндской Православной Церкви будет разрешен новый стиль и, обратившись ко мне, спросил: «А вам как быть?»

На это я ответил, что «хотя наша новостильная братия не смущается новым стилем, но старостильники именно из-за нового стиля порвали с нами общение, поэтому для умиротворения и соединения всего братства, я полагал бы в богослужбной практике возвратиться на старый церковный стиль, а для окружаю-

щих православных карел, если потребует необходимость, то можем отслужить праздничную службу и по новому стилю».

— Хорошо, — сказал Владыка. — Я так и сделаю.

И потом собрались в храме все братство: старостильники и новостильники во главе с Настоятелем. Прибыл туда и Владыка, сделал поклон к иконостасу и, молча осенив себя крестным знамением, обратился со следующим словом:

— Мир вам, братия! Господь наш, Иисус Христос, посылая Своих учеников и апостолов на проповедь Святого Евангелия, сказал им: «когда входите в дом, приветствуйте: мир дому сему! — И если будет тот дом достоин мира, то пребудет мир на нем, если же нет, то возвратится к вам тощ». — Так и я, братие, приветствую вас: мир вам! И не хотелось бы, чтобы мир мой возвратился ко мне тощ, но хотелось бы, чтобы мир пребыл на вас. Да будет так!

После сего Владыка объяснил причину своего приезда, что прибыл сюда по просьбе Валаамской братии, обратившихся к Святейшему Патриарху с письменным ходатайством о принятии монастырского братства в юрисдикцию Московской Патриархии, в лоно своей Матери-Русской Церкви, и вместе с тем об устранении нашего разделения. Вместо письменного ответа Святейший Патриарх Алексей уполномочил Митрополита Григория прибыть к нам, так как невольно согрешили и те и другие, т. е. новостильники и старостильники.

В дальнейшей своей речи Владыка между прочим указал братии, что Финляндская Православная Церковь находилась в разделении с Матерью-Русской Церковью, а вместе с нею и Валаамский монастырь. Следовательно, это отделение, совершившееся вопреки канонам, является греховным, а так же и внутреннее нестроение братства, т. е. разделение на две группы т. н. «новостильников» и «старостильников».

Разъяснив братии ненормальное отношение обоих направлений к Матери-Русской Церкви, Архипастырь призвал все братство принести покаяние пред Господом и пред Матерью Церковью в содеянном преслушании и примириться между собой. При этом он вопрошал:

— Желаете ли вы присоединиться к Матери-Церкви и примириться между собой? — На что братия той и другой группы единодушно и единогласно ответствовала: «Желаем!»

После неоднократных заявлений о желании братии в присоединении, Владыка поведал, что при посещении им Архиепископа Германа, последний так же изъявил свое искреннее желание воссоединиться с Русской Церковью, что подтвердил своею подписью на протоколе.

В это время секретарем Митрополита Григория был прочитан протокол беседы Митрополита Григория с Архиепископом Германом.

Далее Владыка объяснил, что с присоединением к Русской Церкви Валаамский монастырь переходит на старый стиль, но заметил, что в жизни Финляндской Православной Церкви остается в употреблении новый стиль, за исключением «старой» т. е. юлианской пасхалии, которая должна быть во всей Православной Церкви, в частности и Финляндской.

Митрополит также объяснил братии, что от сего времени Валаамский монастырь должен воздерживаться от молитвенного общения как с Архиеписко-

пом Финляндским, так и с находящимся в его ведении духовенством впредь до официального воссоединения их с Русской Церковью, за богослужением помянуть Архиепископа Германа и в административном отношении повиноваться ему.

После каждого такого пояснения, Митрополит Григорий спрашивал у братии, говоря: «Вам понятно это?» На что братия отвечала: «Понятно!» Владыка говорил так же следующее: «Вам может быть покажется странным то, что в чем же вам каяться? Новостильная группа может сказать, что “благодаря тому, что мы приняли новый стиль и последующие постановления Финляндской Православной Церкви, носящие характер новизны, то тем самым сохранили существования Святой Обители”. Быть может это и так. Но другая группа — старостильники, скажут, что “мы, желая сохранить в чистоте и неизыблемости все постановления Святой Православной Церкви, не пошли по пути новаторства в церковном деле и остались в юрисдикции своего прежнего архиерея Серафима, несмотря на то, что он принадлежал к Карловацкой группе”. Однако та и другая сторона были не правы и, следовательно, находились в состоянии некой греховности в том, что отошли от своей Матери-Церкви. Грех непослушания Матери-Церкви — общий. Другой грех — это взаимное между собой разделение, который сопровождается болезненным явлением расколом, а Спаситель нам говорит: “Если ты принесешь дар твой ко алтарю, а брат твой имеет нечто на тебя, то оставь дар твой у алтаря, и пойдя, — прежде примиришься с братом твоим, и потом принеси твой дар Богу”. Вот видите, братия, как в деле спасения и угождения Богу, важен мир и согласие между собой! А этого-то у вас и не было!»

После этого я обратился к братии со следующими словами:

— Отцы и братия! Как вам известно, от имени всего нашего братства, я послал Святейшему Патриарху два письма, в которых просил его разъяснения и указания, относительно нашего разномыслия в стильном вопросе, и что в указаниях Святейшего мы будем видеть волю Божию о нашей обители. Письменного ответа от Святейшего Патриарха не было, но теперь мы слышим из уст Владыки Григория ожидаемый нами ответ и примем его за указание для нас воли Божией, а Владыке Григорию совершим благодарственный земной поклон!

Все братство до земли поклонилось Высокопреосвященнейшему Митрополиту Григорию.

После сего Владыка продолжал:

— Валаам — древняя, историческая обитель — в продолжении многих веков сияла истинным светом Православной веры и освещала [все] не только в пределах своей страны, но и далеко за ее пределами. [Я был] недавно в Болгарии по устройству церковных дел, меня весьма многие спрашивали: как Валаам, какова его судьба? — Но что я мог сказать: Валаам еще не наш! И вот, братия, этот светильник истинного Православия, конечно, по наущению врага рода человеческого, разделится, и свет его уже стал не так силен, что было раньше. Хотя и невольно, но вы согрешили, и придется, как новостильникам, так и старостильникам, принести покаяние для того, чтобы быть в общении и в лоне своей Матери-Русской Православной Церкви. Поняли ли вы, и согласны принести покаяние?

Все, без исключения, братия единодушно отвечали, что «согласны» и земно поклонились перед Владыкою. После этого Владыка присовокупил еще следующее:

— У нас в России праздники совершаются по старому стилю, и вы так же празднуете по старому стилю, но, если православные карелы, которые живут по новому стилю, они придут к вам [так в тексте], то вы должны отправлять для них службу по новому стилю, как они сами празднуют. Пасха должна быть восточного постановления.

Затем, Владыка предложил спеть «Тебя Бога хвалим», что и было исполнено, после чего братия подходили под благословение к Архипастырю и с миром расходились по келлиям. Предварительно пред этим секретарь Митрополита объявил, что «завтра будет составлен акт и все вы подпишитесь, а вечером Владыка будет служить Всенощную!»

5 октября после обеда монастырский секретарь, иеромонах Тарасий, прочитал в трапезе формулу покаяния, затем предложено было подписаться, что и было исполнено всем братством. Тогда же 5 октября в 6 часов вечера Владыка-митрополит вошел в церковь-трапезу, где уже была в сборе вся монастырская братия. Облачившись в мантию и благословив присутствующих, он взошел на амвон-солею, немного поодаль от него с левой стороны стоял секретарь А. Ф. Шишкин. Обратившись к братии, Владыка сказал, что начинается чин покаяния и присоединения к Матери-Церкви. Тогда, подойдя к Владыке, я прочитал подписанную накануне всем братством формулу покаяния, следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, Настоятель и братия Валаамского монастыря, исповедуем Господу Иисусу Христу, Пречистой Его Матери и всем Святым, и тебе, Высокопреосвященнейший Владыка, наш невольный грех в том, что, живя на территории Финляндского государства, не имея правильного представления о положении Церковного Управления в России, мы не смогли в свое время сохранить каноническую верность нашей Матери — Церкви Российской и, следуя за своими архипастырями, отошли от Нее, частью в подчинение Константинопольского Патриарха, частью — Епископам Карловацкой группы, и тем оказались невольными нарушителями церковного мира в самой ФПЦ и невольными отщепенцами от Матери — Церкви Российской. С глубокой скорбью мы переживали отчужденность свою от Святой Православной Церкви в России и Ее Иерархии, а, увлекаемые событиями местной церковной жизни, так же тяжело переживали и наши внутренние споры и нестроения. Мы веровали, что милостью Божиею мы некогда снова вернемся в лоно Матери — Церкви Российской и, окончив нестроения в своей среде, едиными устами и единым сердцем будем славить Господа в общении со всеми Православными Церквями, наипаче же с Церковью Российской, чадами которой мы были и должны были бы пребывать неизменно. Но невольный грех отчуждения своего мы всегда сознавали и просим простить нас многогрешных.

С радостью мы восприняли весть о благоустроении Церкви Российской, — так же как и о желании главы Финляндской Православной Церкви Архиепископа Германа вернуться в лоно Церкви Российской. Да будет тако! Мы же, Настоятель и братия Валаамского монастыря, даем искреннее обещание, воздавая должное Правительству страны нашей, в дальнейшей нашей церковной работе блюсти

верность и послушание Матери — Церкви Российской и Ее главе — Патриарху Московскому и всея Руси. Простите, Высокопреосвященнейший Владыка, и помолитесь о нас грешных.

Настоятель монастыря Игумен Харитон. Братия монастыря: следуют подписи 127 человек».

Выслушав это покаянное заявление, Высокопреосвященнейший Митрополит Григорий прочитал над присоединенными разрешительную молитву из Чина покаяния «Господи, Боже спасения рабов Твоих...», присутствующие пропели кондак Святой Троице: «Егда снисшел, языки слия...», архиерей монастыря произнес сугубую ектенью и Митрополит совершил отпуст.

Взаимным приветствием «Христос посреди нас!» закончился чин принятия вышепоименованных лиц в сущем сане в каноническое общение с Московской Патриархией и со всею законною Иерархией Православной Русской Церкви.

По окончании чина присоединения, Высокопреосвященный Митрополит Григорий, приветствуя воссоединившихся, выразил глубокую радость от себя и от Русской Матери-Церкви по поводу возвращения к ней невольнотколовшихся Ее членов. Затем было совершено Всенощное бдение в честь и славу Преподобных Валаамских Сергия и Германа, в сослужении Митрополиту Игумена Харитона — настоятеля монастыря, десяти иеромонахов, одного архиерея, четырех иеродиаконов, в служении участвовали священнослужители того и другого стилиа и присутствовало все братство монастыря, без исключения.

Необходимо пояснить, что чин воссоединения предварялся следующими молитвословиями: «Благословен Бог наш», «Трисвятое», «Отче наш», «Придите, поклонимся», псалом 50-й, «Помилуй нас, Господи, помилуй нас», «Милосердия двери...».

По прочтении покаянной хартии и вслед за нею разрешительной молитвы Митрополит, обретаясь лицом к братии, сказал следующее слово:

— Ну вот, братия: благодарение Господу, вы вновь воссоединены с Матерью-Церковью. Поздравляю Вас с великой радостью. Радость великая, и я радуюсь вместе с вами! В святом Евангелии Спаситель сказал, что «великая радость бывает на небе об одном кающемся грешнике». Если радость бывает на Небе великая и об одном грешнике, то тем более велика она сегодня, ибо столько вас, кающихся, обратилось в Церковь Христову. Слава и благодарение Господу! А теперь мы все вместе за Всенощным богослужением едиными устами и единым сердцем будем благодарить и славить Господа нашего и Преподобных Отцев наших Сергия и Германа!

Осенив братию Святительским благословением, Владыка сам запел: «Да воскреснет Бог!», за ним последовали его секретарь, хор певчих и вся братия, единодушно запели пасхальные стихиры. На лицах всех была видна радость и умиление, а у некоторых струились слезы. По окончании радостного песнопения, Владыка благословил каждого в отдельности, приветствуя словами: «Христос посреди нас!» на что следовал ответ: «и есть и будет!»

На следующий день, 6 октября, там же, составом священнослужителей была совершена торжественная Литургия, за которой Владыка произнес глубоко прочувственное слово о Христовой любви, как о главном центре христианского со-

вершенства. После Литургии те же священнослужители, во главе с Архипастырем, совершили благодарственный молебен Господу Иисусу Христу, с многолетием Святейшему Патриарху Алексию, Митрополиту Григорию и Архиепископу Герману Куопиосскому и всея Финляндии.

Трапезовал Владыка со всем монастырским братством вместе. По окончании трапезы поделился с нами следующими сведениями, преимущественно о церковной жизни в России, которая постепенно улучшается при содействии Советского Правительства. Так, например, в России в настоящее время существует более 20 тысяч православных приходов, 75 епархий и 83 монастыря. В Москве в бывшем Новодевичьем монастыре открыты Православно-Пастырский Институт и Курсы с интернатом, то есть с общежитием для учащихся. Там же в распоряжение патриарха предоставлена вполне оборудованная типография с русским, славянским, греческим и латинским шрифтами. В разных городах открываются 8 духовных Семинарий. В Троице-Сергиевой Лавре близ Москвы, в Александро-Невской в Ленинграде, в Киеве — открываются духовные академии. Православные храмы, академические и семинарские библиотеки, ранее реквизированные Правительством, теперь возвращаются верующим.

В заключение беседы Митрополит Григорий обнадеживал нас, что, совместно с Патриархом Алексием, он будет содействовать возвращению монашествующих на Валаам. А некоторым инокам при личном свидании говорил: «будете на Валааме!» или: «Я приму меры, чтобы вам вернуться на Валаам!»

В 2 часа дня 6 октября был назначен отъезд Владыки. Вся братия собралась у подъезда настоятельского дома. Владыка вышел на крыльцо, сказал краткое прощальное слово, после которого певчие запели Валаамский гимн «О, дивный Остров Валаам!»

Со вниманием выслушав это пение, Владыка каждого из нас благословил, за тем сел на поданную коляску, и под громогласное пение «Достойно есть» и колокольный звон отбыл из обители 6 октября 1945 года.

Подпись: Игумен Харитон.
Папинниemi. 1 февраля 1946 г.

Valamon Luostarin Arkisto (Архив Финляндского Валаамского монастыря). Папка: «Письменность отца Игумена Харитона». «Краткая история соединения расколовшегося в 1925 году Валаамского братства и соединившегося в 1945 году и, вместе с тем, воссоединения с Московской Патриархией». Папинниemi. 1.02.1946 г. Подлинник. Машинопись с ручной правкой. Л. 1–14.

Ключевые слова: Финляндская Православная Церковь, Валаамский монастырь, Новый Валаам, старостильники, новостильники.

THE GUARDIANSHIP OF CHURCH TRADITIONS
IN THE VALAAM MONASTERY DURING ITS FINNISH PERIOD
BY T. SHEVCHENKO

The article offers analysis of the Old Calendarist movement in the Valaam monastery in the 1920s-1950s. The archival sources, which have never been considered before in studying this problem, were employed in the article. The author attempts to withdraw from the point of view in which only the position of resistance to the Gregorian liturgical calendar is considered as a heroic one. The documents used in the article give the opportunity to see the circumstances of the calendar dissent and its participants in a new light.

Key words: the Orthodox Church of Finland, the Valaam monastery, the New Valaam, the Old Calendarists, the New Calendarists.